

Э. Г. Александренков

**ЭТНИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ИНДЕЙЦЕВ
БОЛЬШИХ АНТИЛЬСКИХ
И БАГАМСКИХ ОСТРОВОВ
НА РУБЕЖЕ XV—XVI вв.**

Восстановление картины размещения этнических групп населения Больших Антильских островов ко времени появления там европейцев представляет большой интерес. Тем более, что в современной научной литературе нет единого мнения о числе народов, населявших Большие Антильские и Багамские острова. По-разному определяется, где жил тот или иной народ, упоминаемый в письменных источниках. Еще большую путаницу внесли археологи, которые стали называть встречавшимися в источниках этнонимами культурные ареалы, выделяемые на археологическом материале. Противоречивые мнения относительно числа групп островитян в конце XV в. в значительной мере объясняются противоречивостью и фрагментарностью источников. Это в свою очередь было в значительной мере обусловлено тем, что ни один из историков, современников завоевания Больших Антильских островов, не жил длительное время среди островитян.

Чтобы понять, как у испанцев складывались представления о группах коренного населения островов, следует хотя бы кратко охарактеризовать письменные источники по интересующей нас теме.

Первые упоминания этнонимов или названий различных индейских языков, несомненно, должны были содержаться еще в дневниках участников первого плавания Колумба. Дневник, который вел Колумб, не сохранился в оригинале, но о путешествии хорошо рассказано в биографии Колумба, написанной его сыном Ф. Колоном¹, и в «Истории Индий» Б. де Лас Касаса². Кое-какие сведения есть в знаменитом письме, которое Колумб написал, возвращаясь в Испанию после открытия Нового Света³. Уже во время этого путешествия он пытался удовлетворить свой интерес «беседами» с пленными индейцами. Между завершением первого плавания в Новый Свет и началом второго прошло около полугода. Оставшиеся в живых пленные индейцы научились говорить по-испански, особенно один из них, и к недавно открытым островам Колумб вернулся с хорошим переводчиком. Представления Колумба об индейцах, населявших острова, после этого плавания можно было бы считать достаточно широкими и достоверными, но они известны только по пересказу в «Сообщении» монаха Рамона Панэ. Панэ был единственным европейцем, о котором точно известно, что он знал один из языков индейцев этих мест. Он оставил записи, посвященные в основном религии индейцев. Но в них содержатся и очень интересные сведения о языках индейцев Гаити. Эти сведения послужили, по-видимому, основой для всех последующих утверждений о существовании нескольких различных

¹ F. Colon, Historia del almirante de las Indias, Buenos Aires, 1944.

² B. de Las Casas, Historia de las Indias, México — Buenos Aires, 1951.

³ «Путешествия Христофора Колумба. Дневники, письма, документы», М., 1962, стр. 64—70.

языков у индейцев Гаити. Рамон Панэ приехал на Гаити в 1494 г. с братом Христофора Колумба, Бартоломе. Некоторое время он жил среди индейцев провинции Макори и овладел их языком. Позже Панэ прожил два года у одного из самых влиятельных касиков острова, Гуарионехи. «Сообщение» Панэ было хорошо известно его современникам. Но впервые полностью оно было опубликовано в 1571 г. в Венеции в уже упомянутом сочинении Ф. Колона.

Описания первых двух плаваний Колумба, событий на Гаити, войн против индейцев и завоевания острова содержатся и в работах Мартира Бернальдеса, Лас Касаса, Овьедо. Педро Мартир де Ангерия (или Пьетро Мартуре де Ангера), итальянец по происхождению, во времена открытия Нового Света жил в Испании. Сам он в Америке не был, но его положение при дворе, где он занимал высокие посты, связанные с управлением колониями, и его любознательность позволили ему постоянно быть в курсе всех событий в Америке и собрать многочисленные сведения об индейцах. Не был в Америке и другой историк того времени — Андрес Бернальдес. Но его пост историографа правления Изабеллы и Фердинанда давал ему возможность собирать важную информацию. И. Мартир, и Бернальдес пользовались каждым удобным случаем, чтобы опросить свидетелей открытия и завоевания новых земель.

Несомненно, более достоверными должны были быть сведения Лас Касаса и Овьедо. Лас Касас попал на острова еще в 1502 г. Он принимал участие в походах испанских отрядов на Гаити и Кубе. Но в то время его еще не интересовали история и культура индейцев. Когда же Лас Касас стал писать свои книги (одни биографы относят эту дату к 1526 г., другие говорят даже о более позднем времени), то о некоторых явлениях жизни индейцев «спросить было уже не у кого»⁴. Перу Лас Касаса приписывается и так называемый «Мемориал», небольшой, но очень ценный документ, в котором говорится о различных группах индейцев Кубы. Относительно кубинских индейцев есть сведения и в письмах губернатора Кубы Веласкеса к королю.

Другой крупный историк открытия и завоевания Америки, Овьедо, попал в Америку позже Лас Касаса, в 1514 г., а постоянно поселился на Гаити только в 1532 г. Его сообщения об индейцах Больших Антильских островов иногда крайне противоречивы. Так, в одной главе «Всеобщей и естественной истории Индий» он пишет о полном несходстве языков индейцев Багамских островов, Кубы и Гаити⁵, а в другой говорит, что язык у индейцев Кубы и Гаити сходен⁶. Это можно объяснить тем, что источниками таких взаимоисключающих сведений были разные информаторы. Во всяком случае, сведения Овьедо о языках островных индейцев не следует брать за основу при выделении групп коренного населения островов в момент их завоевания европейцами.

Обычно обитателей Больших Антильских и Багамских островов в ранних источниках называли просто «индейцами». Какие-либо этнонимы встречаются крайне редко.

Коренных жителей Багамских островов иногда называли «юкайо» или «лукайо». Вероятно, «лукайо» было самоназванием обитателей Багамских островов. В пользу такого предположения говорит тот факт, что одно из аравакских племен северной части южноамериканского континента (в научной литературе называемое иногда «собственно араваки» в отличие от других индейских народов, говорящих на языках аравакской языковой семьи) называет себя «луккуну», что значит «люди»

⁴ B. de Las Casas, Указ. раб., т. I, стр. 303.

⁵ G. Fernandez de Oviedo, Historia general y Natural de las Indias, t. I, Madrid, 1851, p. 235.

⁶ Там же, стр. 498.

(единственное число—«лукку») ⁷. Какие-либо этнонимы для островов Ямайка и Пуэрто-Рико неизвестны. На Гаити упоминались две группы индейцев: «сигуайо» (или «сигуана») и «макори» (с вариантами «макорих», «масорих» в разных источниках), на Кубе — «сибонеи» и «гуа-нахатабеи» (в нескольких вариантах написания).

Постараемся вначале, следуя маршрутам Колумба, восстановить, хотя бы очень приблизительно, картину размещения индейцев, якобы говоривших на различных языках. При плавании у Багамских островов Колумб в соответствии с версией Б. де Лас Касаса отметил единство языка проживающих там индейцев ⁸. Когда испанские корабли курсировали вдоль северного побережья восточной Кубы, Колумб заметил, что местные жители говорят на том же языке и имеют те же обычаи, что и обитатели ранее открытых островов ⁹. Подтверждается это упоминанием о том, что индеец с Гуанахани (индейское название первого острова, встреченного европейцами) «долго разговаривал» с индейцами Кубы ¹⁰.

При описании следования Колумба вдоль северного побережья Гаити также неоднократно утверждается, что язык местных жителей был сходен с языком индейцев тех островов, мимо которых уже плыли испанцы, или упоминается, что ранее захваченные пленные индейцы разговаривали с обитателями северного Гаити ¹¹. Какое-то непонимание между индейцами-проводниками Колумба и местными жителями было отмечено Лас Касасом. Лас Касас объяснил это тем, что «местный язык отличался от их (привезенных Колумбом индейцев.— Э. А.) собственного языка наименованием различных вещей» ¹². Возможно, что действительно существовали какие-то незначительные различия в языках этих индейцев. Но вероятнее, что сами испанцы не смогли понять того, что им говорили их «переводчики». В первом же плавании испанцы встретились и с индейцами восточной части северного побережья Гаити, которых Колумб принял вначале за карибов из-за их воинственного вида. И Лас Касас, и Ф. Колон отмечают, что испанцы беседовали с местными жителями, используя как переводчиков индейцев с Гуанахани ¹³.

Сам Колумб в письме о результатах первого плавания так излагал свои впечатления: «На всех этих островах я не замечал большого разнообразия ни в облике людей, ни в их обычаях и языке. Напротив того — все они понимают друг друга...» ¹⁴. В «Мемориале», посланном Колумбом испанским королям с Гаити (когда он там оказался уже во второй раз), содержится сходное утверждение: «Дело в том, что так как жители разных островов мало общаются друг с другом, то и в языке их имеются различия в зависимости от того, насколько далек один остров от другого» ¹⁵. К моменту, когда Колумб писал «Мемориал», он посетил уже и некоторые из Малых Антильских островов и Пуэрто-Рико. Различия, о которых идет речь, не помешали Колумбу поставить в один ряд не только языки индейцев Багамских островов, Кубы, Гаити и Пуэрто-Рико, но и Малых Антильских островов, так как именно карибов, обитателей Малых Антиль, он послал в Испанию, чтобы они там смогли стать переводчиками ¹⁶.

Несколько позже, во время того же второго плавания корабли Колумба прошли вдоль южного берега Кубы и вокруг Ямайки. И только однажды, на западе Кубы, переводчик-юкайец, до тех пор свободно

⁷ D. Brinton, Arawak language of Guiana in its linguistic and ethnological relations, «Translations of American Philosophical Society», vol. 14, p. III, 1871.

⁸ B. de Las Casas, Указ. раб., т. I, стр. 212.

⁹ Там же, стр. 227, 232, 243.

¹⁰ Там же, стр. 226.

¹¹ Там же, стр. 258, 262.

¹² «Путешествия Христофора Колумба», стр. 159.

¹³ F. Solon, Указ. раб., стр. 98, 99; B. de Las Casas, Указ. раб., т. I, стр. 303

¹⁴ «Путешествия Христофора Колумба», стр. 68.

¹⁵ Там же, стр. 354.

¹⁶ Там же, стр. 353, 354.

разговаривавший со встречавшимися местными жителями, не смог понять их¹⁷.

Когда испанцы более обстоятельно познакомились с внутренними областями островов и вошли в более тесный контакт с местными жителями, выявилась более дробная лингвистическая и этническая структура на некоторых островах.

Первым, кому приписывается выделение нескольких индейских языков на Гаити, является сам Колумб. Правда, об этом приходится судить не по собственным словам мореплавателя, а по утверждениям других лиц. Рамон Панэ, живший в крепости Магдалена в провинции, населенной индейцами «макори», пишет, что получил указание от Колумба пойти к касику Гуарионехе. При этом Колумб якобы сказал Панэ, что язык «макори» непонятен остальным индейцам острова, в то время как язык, на котором говорил Гуарионеха, якобы понимался «по всей той земле». Так как Панэ знал только язык индейцев «макори», то он отправился к Гуарионехе, взяв с собой индейца-макори, знавшего оба языка¹⁸. К сожалению, дальше Панэ не пишет, были ли указанные Колумбом различия действительными или мнимыми.

О существовании нескольких языков у индейцев Гаити говорится у Мартира. Полученные им сведения относятся к периоду после 1515 г. Он сообщает, что в провинции Кахибо («Cahibo») жители говорят на языке, полностью отличающемся от языка других островитян. Зовутся обитатели этой провинции «макорис» («macoriges») ¹⁹. На особом языке, не похожем ни на какой другой, говорят и жители областей Кубана и Баюаиуга той же провинции²⁰. Язык этот Мартир не называет. На западе Гаити, в провинции Гуакаярима, по утверждению Мартира, жили «немые» индейцы²¹. Можно предположить, что там жили группы, язык которых не был понятен остальным индейцам.

Лас Касас в своих работах неоднократно упоминает о трех различных языках, на которых говорят индейцы Гаити. Хотя в его «Истории Индий» этнонимы «макори» и «сигуайи» употребляются при описании первого путешествия Колумба, очевидно, что сведения о них относятся к более позднему времени. Так, после сообщения о встрече Колумба с воинственными лучниками на северо-востоке Гаити, Лас Касас добавляет, что эти земли были населены индейцами «масорих» и «сигуайи», говорившими на языках, отличных от «общего» языка этого острова. Здесь же Лас Касас отмечает, что он не помнит, различались ли языки сигуайев и макори²². Однако в изложении «Дневника» Колумба у того же Лас Касаса нет упоминания о том, как назывались жители тех мест. Нет этих этнонимов и у Ф. Колона в том месте, где описывается этот эпизод. В другом отрывке из «Истории Индий» Лас Касаса явствует, что было две провинции, называвшихся Макори: одна — Нижнее Макори, там, где находилась крепость Магдалена (в данном случае это соответствует сведениям Панэ), другая — Верхнее Макори, находившаяся в горах к северу от долины Вега Реаль. В этом отрывке Лас Касас объясняет, что слово «макори» означало «странный, чужой»²³. В «Апологетической истории» Лас Касас тоже говорит, что «макори» значит «странный»²⁴.

¹⁷ P. Martyr, De Orbe Novo, t. 1, New York — London, 1912, p. 100.

¹⁸ F. Colon, Указ. раб., стр. 181, 182.

¹⁹ Хотя в цитируемом отрывке говорится «в этой провинции», речь идет, вероятно, только о двух районах, Магуа и Какакубана, с которых начинается рассказ о провинции.

²⁰ P. Martyr, Указ. раб., т. I, стр. 367, 368.

²¹ Там же, стр. 380.

²² B. de Las Casas, Указ. раб., т. I, стр. 303.

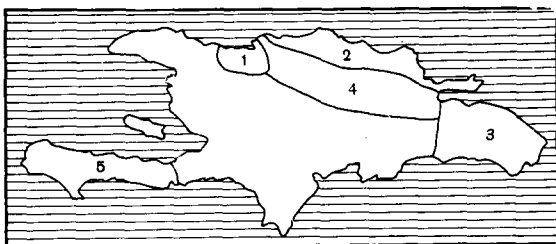
²³ Там же, стр. 429.

²⁴ B. de Las Casas, Apologética Historia, «Colección de documentos inéditos para la historia de España», t. 66, Madrid, 1876, p. 256. В современном аравакском «ма» означает отсутствие какого-то качества, его отрицание, а слово «кори» (с вариантами «кури», «кери») в некоторых южноамериканских языках значит «человек, мужчина».

На других страницах «Апологетики» утверждается, что языки Верхнего и Нижнего Макари различались между собой и отличались от «общего» языка Гаити²⁵.

Названные Лас Касасом «провинции»²⁶ хорошо локализируются на карте. Нижнее Макари располагалось сразу же за провинцией Мариен (где была построена первая испанская крепость Навидад), если следо-

Рис. 1. О. Гаити: 1 — провинция Марьен; 2 — провинции Нижнее Макари, «безымянная», Верхнее Макари и провинция, занятая, как предполагается, сигуайями; 3 — провинция Хигей; 4 — долина Вега Реаль; 5 — провинция Гуакаярима, где жили «пемые» индейцы

вать с запада на восток. К Нижнему Макари по Лас Касасу относился и тоже хорошо известный район Монте Кристи. В эту же провинцию входила и часть долины Вега Реаль, имевшей выход к морю. На восток от Монте Кристи лежала провинция, названия которой Лас Касас не знал, но так как там находились порты Изабелла и Пуэрто де Плата, то пределы ее сравнительно просто определяются. За «безымянной» провинцией, вдоль горной цепи, образующей с севера долину Вега Реаль, находилась провинция Кубао или Верхнее Макари; в длину она имела 15—20 лиг, а в ширину 8—10. Далее к востоку, по той же горной цепи, находилась провинция сигуайев длиной в тридцать лиг, доходя на востоке до провинции Хигей. Залив Стрел, по мнению Лас Касаса, тоже относился к провинции сигуайев²⁷.

При сопоставлении сообщений Мартира и Лас Касаса обнаруживаются некоторые несоответствия. Так, Лас Касас считает, что Кубао и Верхнее Макари — это название одной и той же провинции и населяют ее индейцы, говорящие на языке, отличном от языка других коренных обитателей острова. У Мартира же говорится, что Кубао часть провинции Хухабо («Nuhabo»). Согласно Лас Касасу, сигуайи жили восточнее Верхнего Макари, а по Мартиру они жили всего в 10 милях на запад от порта Изабелла, находившегося, как уже указывалось выше, в «безымянной» провинции. Две провинции, в которых по Мартиру говорили на каком-то «своем» языке, Кубана и Баюаигуа, у Лас Касаса вовсе не упоминаются, как обособленные по языку. В итоге получается следующая картина. По Лас Касасу Верхнее Макари, область сигуайев, и Нижнее Макари охватывали преимущественно северные склоны гор, образующих долину Вега Реаль. Языки Верхнего и Нижнего Макари различались между собой и отличались от «общего» языка Гаити. По Мартиру же языки, непохожие на другие языки острова, были распространены в провинции Кахибо, занимавшей большую часть долины Вега Реаль.

О значении слова «макори» как «чужой» уже писалось выше. Кроме топонимов Верхнее и Нижнее Макари, известных по Лас Касасу, и этнонима «макорис», употребляемого Мартиром, у того же Мартира есть упоминание об области Макари еще в одной удаленной к востоку провинции — Кансисму²⁸. Даже несколько современных топонимов на Га-

²⁵ B. de Las Casas, Apologética Historia, p. 256, 486.

²⁶ «Провинция» в раннеколониальных испанских источниках означала не административную территориальную единицу, а лишь определенную географическую область.

²⁷ B. de Las Casas, Apologética..., p. 252—257, 291; его же, Historia..., т. I, стр. 429.

²⁸ P. Martir, Указ. раб., т. I, стр. 336.

ити сохранили компонент «макори». Это свидетельствует, по-видимому, о том, что на острове действительно было несколько групп «странных, чужих» индейцев. К сожалению, самоназвания этих групп не сохранились, возможно, за исключением одного случая — сигуайев. По Мартиру сигуайи жили в 10 лигах к западу от порта Изабелла, т. е. где-то в районе Монте Кристи²⁹. Именно там Лас Касас размещал провинцию Магдалена или Нижнее Макори, по-испански Макори де Абахо. Последняя часть названия этой провинции — испанская, по-индейски эта область, видимо, называлась просто Макори. Об этом пишет и Рамон Панэ, живший там³⁰. Лас Касас, как уже указывалось выше, размещал сигуайев на восток от провинции Верхнее Макори³¹, т. е. значительно дальше на восток. Вместе с тем из описания военных действий испанцев против названных индейцев и у Мартира и у Лас Касаса становится очевидным, что речь идет об одних и тех же индейцах-сигуайях³². Остается предположить, что либо один из историков неправильно указал, где жили сигуайи, либо все северные склоны гор были заняты ими. Но и в том и в другом случае несомненна связь между этнонимом «сигуайи» и этнонимом или топонимом «макори» (макорис); если прав Мартир, то совпадение земель обитания сигуайев и макори (или провинции Нижнее Макори, по Лас Касасу) полное; если прав Лас Касас, то эта связь менее четко, но все же выявляется в том, что Лас Касас размещает провинции Макори и сигуайев рядом³³. Возможно, «сигуайи» было самоназванием индейцев, а словом «макори» их называли соседи. О каких-то враждебных отношениях между упомянутыми «макори» и некоторыми из их соседей еще до прихода европейцев говорит Мартир, рассказывая о том, как был выдан испанцам касик сигуайев Маиобанеха³⁴.

Совершенно ясно, что «чужими» могли называть не только индейцев, говоривших на языке иной лингвистической семьи, но и родственные по языку группы. Судить же о степени языковой близости разных групп по имеющимся материалам невозможно. То, что для европейца представлялось совершенно другим языком, на самом деле могло быть родственным языком или диалектом. На таких родственных языках или диалектах одного и того же языка, думается, и говорила большая часть индейцев Гаити. Прямые указания на это содержатся в описаниях первых испанских экспедиций. Когда впервые испанцы достигли тех мест, где, по мнению Лас Касаса, обитали сигуайи и макори, индейцы с Багамских островов, свободно говорившие с жителями побережья Кубы и запада Гаити, так же свободно изъяснялись с местными жителями, хотя испанцам удалось подметить различия в произношении или употреблении некоторых слов³⁵.

Если большинство населения о. Гаити ко времени появления европейцев, как можно предполагать, говорило на родственных языках или диалектах одного языка, которые есть основания связывать с аравакскими языками Южной Америки, то язык живших в провинции Гуакаярима «немых» индейцев, видимо, был совершенно не понятен соседям. Относился ли язык «немых» индейцев к более далеким ветвям аравакской языковой семьи или же к совершенно иной языковой семье, сказать не-

²⁹ P. Martir, Указ. раб., т. I, стр. 127.

³⁰ F. Colop, Указ. раб., стр. 181. В испанском переводе название провинции искажено — «Мароли».

³¹ B. de Las Casas, Historia..., т. I, стр. 429.

³² Там же, стр. 458; P. Martir, Указ. раб., т. I, стр. 142 и далее.

³³ B. de Las Casas, Historia..., т. I, стр. 429.

³⁴ P. Martir, Указ. раб., т. I, стр. 144. О том, что сигуайи и макори — одни и те же индейцы, писал датский исследователь С. Ловен, но он не объяснял, на основании каких соображений он пришел к такому заключению. См.: S. Lovén, Origines of the Tainan culture, Göteborg, 1935.

³⁵ «Путешествия Христофора Колумба», стр. 185.

возможно, так как в источниках пока не найдено никаких следов словарного фонда этого языка.

Относительно Ямайки и Пуэрто-Рико в источниках не содержится сведений о существовании различий в языках коренных жителей в пределах каждого из островов. В то же время известно, что индейцы и Ямайки³⁶ и Пуэрто-Рико понимали индейцев-переводчиков Колумба, происходивших с Багамских островов, и разговаривали с ними.

Разобраться в этнической карте Кубы также очень сложно. Уже после первого плавания Колумба стало известно, что в центральной и восточной областях этого острова живут индейцы, понимающие язык жителей Багамских островов, а на западе живут индейцы, говорящие на другом языке.

Позже, после колонизации внутренних областей, в источниках появляются названия обособленных по каким-либо признакам групп коренного населения. Одно из них, гуапахатабибе по Веласкесу³⁷ и гуапахатабеи по Лас Касасу³⁸, относится к жителям того района, где обитали индейцы, речь которых не смог понять переводчик Колумба. Эта группа индейцев выделялась среди остальных обитателей Кубы не только названием и языком, но и образом жизни. В отличие от земледельцев центральных и восточных областей, гуапахатабеи жили охотой и рыболовством, не строили никаких хижин, и жилищем им служили будто бы только пещеры³⁹. По описаниям гуапахатабеи Кубы очень напоминают «немых» индейцев запада Гаити у Мартира и Овьедо.

Сведения о гуапахатабеях содержатся в различных документах, относящихся к периоду колонизации Кубы. Ни в «Истории Индий» Лас Касаса, ни у Мартира о них нет упоминаний. Однако в «Мемориале», приписываемом Лас Касасу, гуапахатабеи названы наряду с сибонейми⁴⁰. Кроме гуапахатабеев и сибонеев в «Мемориале» упоминаются «индейцы садов» («Садами Короля» и «Садами Королевы» назывались два архипелага небольших островов вблизи северного и южного берегов Кубы). Вероятно, этих же индейцев в некоторых других документах называли «кайо»⁴¹. «Индейцы садов», как сообщается в «Мемориале», питались только рыбой. Даже если это и несколько преувеличено, можно все-таки предполагать, что с земледелием они не были знакомы. Более подробно об этих индейцах говорится у Ф. Колона, когда тот рассказывает о плавании Колумба вдоль берегов Кубы. Обитатели этих островов, называемые в книге Колона просто «индиос», питались чуть поджаренной рыбой, крабами и птицей⁴² и передвигались с одного острова на другой в своих лодках. По языку индейцы, занимавшие прилегающие к Кубе острова, не отличались, видимо, от индейцев, занимавших центральную и восточную Кубу. По крайней мере, испанцы этого не заметили. Не исключена возможность, что земледельческое население самой Кубы могло рыбачить на прибрежных островах.

Кроме гуапахатабеев, «индейцев садов» и сибонеев в «Мемориале» упоминается одна очень неопределенная группа обитателей Кубы — «индейцы острова». Где жили гуапахатабеи и «индейцы садов» — извест-

³⁶ Там же, стр. 288.

³⁷ «Colección de documentos inéditos, relativos al descubrimiento... de antiguas posesiones españolas», vol. II, p. 424, Madrid, 1869.

³⁸ «Colección de documentos inéditos, relativos al descubrimiento... de Ultramar», 2ª serie, vol. 6, Madrid, 1891, p. 7.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Некоторые исследователи (американцы Харрингтон и Роуз) считали сибонеев и гуапахатабеев одним и тем же народом. Кубинский ученый Ф. Пичардо Мойя в книге «Caverna, Casta y Meseta» (La Habana, 1945, стр. 108, 109) убедительно показал, что цитируемый Харрингтоном отрывок из «Мемориала» истолкован неправильно.

⁴¹ «Кайо» на одном из языков местных индейцев значило «островок». Индейцев, живших на этих небольших островах, испанцы и называли «кайо».

⁴² F. C o l o n, Указ. раб., стр. 83.

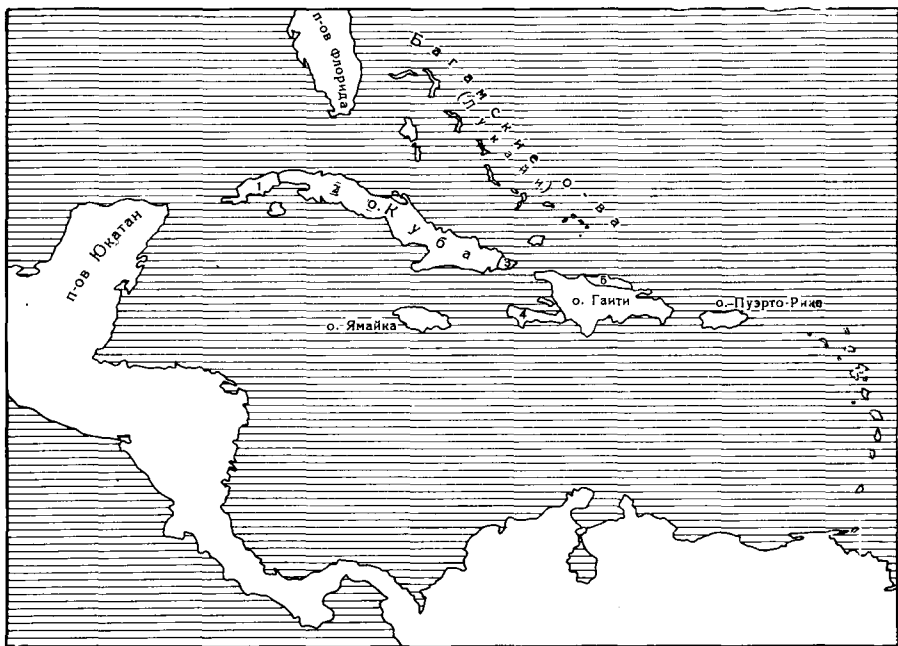

Рис. 2. 1 — гуанакатабен; 2 — сибонеи; 3 — выходцы с Гаити; 4 — «немые» индейцы Гаити; 5 — сигуайи Гаити

но. По-видимому, остальные земли, т. е. центральные и восточные провинции Кубы, занимали сибонеи и «индейцы острова».

В «Истории Индий» Лас Касаса еще упоминаются индейцы, переселившиеся с Гаити. Относительно времени их переселения на Кубу в современной литературе существует мнение, что Лас Касас сообщает о событии, произошедшем за 50 лет до прихода европейцев⁴³. Это мнение представляется недостаточно обоснованным. У Лас Касаса действительно говорится о 50 годах. Но в этом же отрывке сообщается, что переселение индейцев Гаити на Кубу совершилось «по большей части» после того, как испанцы стали притеснять индейцев на Гаити⁴⁴. Об этом же говорит и сопоставление указанного выше отрывка с тем местом в «Истории Индий», где Лас Касас рассказывает, как касик Атуэй перешел с Гаити на Кубу⁴⁵. У самого Лас Касаса нет прямого указания на то, что переселение индейцев Гаити на Кубу началось за 50 лет до появления на Антилах испанцев. Он пишет лишь, что «не прошло и 50 лет, как жители этого острова (Гаити. — Э. А.) перебрались на тот остров»⁴⁶. Думается, что речь идет о 50 годах до момента написания Лас Касасом этих строк. Таким образом, по крайней мере это переселение индейцев с Гаити совершилось после открытия европейцами Антильских островов. Но, думается, у Лас Касаса говорится не об одном переселении индейцев Гаити на Кубу. Он сообщает, что когда Атуэй основал свое поселение, он сделал это с согласия местных жителей, «так как большинство людей, что заселяло тот остров Куба, были пришлыми и оружиемцами этого острова Эспаньола (Гаити), в то время как самые древние люди

⁴³ I. Rouse, *Archaeology of the Maniabon Hills, Cuba*, «Yale University publications in Anthropology», № 26, New Haven, 1942, p. 152; E. Tabío, E. Rey, *Prehistoria de Cuba*, La Habana, 1966, p. 208.

⁴⁴ B. de Las Casas, *Historia...*, vol. 2, p. 514.

⁴⁵ Там же, стр. 507.

⁴⁶ Там же, стр. 514.

и уроженцы того острова (Кубы.— Э. А.) были как люди Юкайских островов...»⁴⁷. Лас Касас называет это древнее население Кубы «сибуней». Следующее затем повествование о покорении сибунеев (или сибонеев) индейцами Гаити относится, по-видимому, не к Атуэю, а к тем индейцам, что пришли с Гаити раньше и которых Атуэй нашел на Кубе в районе Маиси и с чьего согласия, по мнению Лас Касаса, там обосновался. Теперь яснее становится уже цитированный отрывок, где говорится, что индейцы Гаити перешли на Кубу «по большей части» после прихода испанцев. Лас Касасу, видимо, было известно, что другие индейцы Гаити переходили на Кубу и раньше.

По археологическим данным известно, что первые земледельцы Кубы, занимавшие восточные и центральные провинции острова, пришли с Гаити за несколько столетий до появления испанцев в Новом Свете⁴⁸. Вполне вероятно, что и в последующий период какие-то группы индейцев Гаити перебирались на Кубу. Именно этих индейцев, родственных по языку и культуре индейцам западных районов Гаити, и должен был там найти Атуэй. Это родство было, может быть, причиной того, что переход Атуэя не вызвал военных столкновений между индейцами. Об этом красноречиво свидетельствует письмо губернатора Веласкеса, где он говорит о нежелательности насильственного возвращения индейцев Гаити, находящихся на Кубе, так как пришельцы вступили в брак с местными жителями, и возвращение их назад вызвало бы большое возмущение среди индейцев⁴⁹.

Не совсем ясно происхождение сибонеев. Лас Касас неоднократно сравнивает их по ряду признаков с населением Багамских островов. На Багамских островах нет следов существования докерамических и доземледельческих культур, и керамика Багамских островов наиболее тесно связана с керамикой Гаити⁵⁰. Таким образом, сибоней, возможно, были потомками первых, переселившихся с Гаити земледельцев, происхождение которых было уже забыто. Ни в «Мемориале», ни в «Истории Индии» не говорится о том, где, в каких провинциях жили сибоней. Это дает основание полагать, что, скорее всего, сибонейми недавно пришедшие с Гаити называли всех индейцев Кубы, родственных им по языку, да и, по всей вероятности, и по происхождению с Гаити, о чем уже не сохранилось никаких воспоминаний. Сюда могли входить и «индейцы садов», и потомки первых земледельческих групп на Кубе.

Итак, в конце XV в. на западе острова жили индейцы-гуанакатабен. Язык гуанакатабеев неизвестен, но известно, что он был непонятен аравакским переводчикам Колумба. На востоке Кубы обитали сравнительно недавно пришедшие с Гаити, для которых в источниках не обнаружен особый этноним, и те, кого вытеснила с Гаити испанская колонизация. Между этими группами жили сибоней, в число которых, возможно, входили и «индейцы садов». Сибоней и «индейцы садов» говорили на языке, понятном обитателям Багамских островов, а следовательно, на одном из аравакских языков. О степени родства языка сибонеев и языка обитателей Багам с языками Гаити и с другими языками араваков Больших Антильских островов судить невозможно.

Таким образом, этническая карта данного географического ареала на рубеже XV—XVI вв. предстает в следующем виде. На Багамских островах жили юкайо или лукайо, близкие по культуре сибонейм Кубы и говорившие на языке, понятном всем другим аравакам Больших

⁴⁷ B. de Las Casas, Historia..., т. 2, стр. 507. Неясным и неверным представляется толкование текста Лас Касаса в книге: Б. де Лас Касас, История Индии, Л., 1968, стр. 146. В переводе, данном в этой книге, совершенно теряется фраза о большинстве населения Кубы, пришедшем с Гаити.

⁴⁸ E. T a b i o, E. R e y, Указ. раб., стр. 154—157.

⁴⁹ «Colección...», vol. XI, p. 428.

⁵⁰ J. G r o n b e r r y, The cultural position of the Bahamas in Caribbean archeology, «American Antiquity», vol. 22, № 1, 1956, p. 128—134.

Антильских островов. Самоназвание индейцев Пуэрто Рико не сохранилось, но известно, что язык их был понятен остальным островным аравакам. Некоторыми чертами культуры они отличались от своих западных соседей. Самоназвания индейцев Ямайки тоже не сохранилось, но и их язык был понятен, а следовательно, родственен языкам других островных араваков. На западе Гаити жили индейцы, резко отличавшиеся по языку и по образу жизни от окружавшего их населения. Среди остального населения Гаити было несколько групп, которые считали одна другую «чужой», хотя и говорили на родственных языках (степень родства была, по-видимому, настолько близкой, что все они понимали друг друга). С полной уверенностью можно выделить только одну из этих групп — индейцев, занимавших северные склоны гор, окаймляющих с севера долину Вега Реаль, называвшихся сигуайи. На Кубе жили гуанхатабей, сибоней и индейцы, приход которых с Гаити был еще на памяти местных жителей — свидетелей появления первых испанских кораблей. Лежащие вблизи побережья Кубы острова занимали индейцы той же языковой группы, что и индейцы центральных и восточных провинций острова.
